

УДК 82.0

ПУТЬ ТВОРЧЕСТВА А.П. ЧЕХОВА К АРАБСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

© 2014 г. М.Ч. Ларионова¹, А.Я. Аббас Хилми²

Поступила 20.03.2013

А.П. Чехов является одним из самых популярных русских писателей в современном арабском мире благодаря гуманистическому пафосу его творчества и художественным достижениям в жанре рассказа. Развитию русско-арабских культурных связей способствовало созданное в XIX веке Императорское православное палестинское общество, где русские учителя и русскоговорящие арабы обучали палестинцев русскому языку. После 1917 г. возник сильнейший политический и культурный интерес к России в связи с социальными и общественными преобразованиями в ней. Ориентации ряда арабских стран на советскую Россию способствовала и колониальная европейская политика. Интерес к России закономерно вылился в интерес к русской культуре. На рубеже XIX–XX веков в арабских странах появились переводы произведений русской литературы, выполненные выпускниками школ Палестинского общества. Русская литература представила новые типы героев, отразила новые отношения в обществе. В течение нескольких десятилетий были переведены на арабский язык рассказы и пьесы Чехова. Переводчики (Махмуд аль-Будава, Хусейн Джамиль, Анвар Шауль и др.) часто свободно обращались с оригиналом, меняя название и художественные детали. Так, водевиль “Медведь” получил название “Трубиян”, что привело к частичной утрате смысла. Постепенно и арабская критика начала осваивать творчество писателя (Зеки Тулеймат, Наджати Сидки, Шакир Хасбак). Критиков в чеховских произведениях привлекли точность психологического анализа, изображение двойственности человеческой натуры, особенности стиля его прозаических и драматических произведений.

Ключевые слова: русская литература, история, арабские страны, А.П. Чехов.

В современном многополярном и поликультурном мире остро встает вопрос не только о роли России, но и о роли русской культуры в изменившихся геополитических обстоятельствах. Поэтому особого внимания заслуживают положительные примеры взаимодействия русской и зарубежных литератур. Такова история культурных отношений России и ряда арабских стран, которая выдержала проверку временем. Русская и арабская литературы хотят быть интересны любому, а не только национальному читателю, но в то же время стремятся сохранить свою самобытность, национальную укорененность. В этом залог самосохранения литератур и в то же время их интеграции в миро-

вой литературный процесс, как мы писали ранее [1, с. 141].

Мировое значение русской литературы XIX в. несомненно. Оно определяется и напряженными духовными поисками русской классики, и ее открытиями в области жанра, и вниманием к человеку, даже самому “маленькому”. Но если европейская реакция на русскую литературу широко известна (так, например, “английская чеховиана насчитывает более двух десятков солидных монографий, а число журнальных статей, рецензий и откликов на переводы чеховских произведений, на постановки его пьес превышает несколько сотен” [2, с. 406]), то роль русской литературы в становлении и формировании арабских литератур еще требует изучения и осмысления.

Чехов – один из самых популярных русских писателей в арабских странах. Он писал о том, что касается каждого человека: о добре и зле, справедливости и долге, о том, что ценность личности заключается не в должности, а в достоинстве. Чехов создал форму рассказа, которая повлияла на новеллы арабских писателей. Понимая Чехова, арабский читатель лучше понимает себя и свой народ. Но и

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; тел. (863) 250-98-34, e-mail: larioнова@ssc-ras.ru

² Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern Federal University), 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Университетский, 93.

русский читатель и исследователь, по нашему мнению, изучая отношение арабского читателя к Чехову, видит в творчестве этого писателя что-то новое, объединяющее всех людей.

Культурные отношения России и Арабского Востока начали интенсивно развиваться на рубеже XIX–XX вв. В конце XIX в. в России возникло Императорское православное палестинское общество (после 1918 г. – Палестинское общество), главной целью которого было содействие паломникам на Святой земле и сохранение и распространение православия среди местного населения. При обществе существовали школы, в которых бесплатно обучались дети православных арабских семей. В числе предметов был и русский язык, который преподавали русские учителя и арабы, получившие образование в России [3]. Большой популярностью пользовался в Палестине журнал “Нива”, где печатались самые современные произведения русской литературы: “Наряду с классиками отходившего поколения, иногда звучавшими для арабов на рубеже XIX–XX вв. уже прошлым, их мысли захватывали и властители дум современной им России – старший, более мягкий Чехов и молодой – мятежный буревестник Горький” [4, с. 313].

Исторические судьбы арабских стран складывались по-разному, но в них было и нечто общее. После революции 1917 г. в арабские страны хлынул поток русских эмигрантов, тогда как арабы Ирака, Сирии и других стран испытывали сильнейший политический и культурный интерес к России именно в связи с социальными и общественными преобразованиями в ней: “Ломка феодального уклада и возникновение буржуазных отношений в развитых арабских странах в конце XIX – начале XX в. типологически совпадали с характером российской действительности второй половины XIX века” [5, с. 299].

Политической и культурной ориентации ряда арабских стран на советскую Россию способствовала и колониальная европейская политика. Так, в 1917 г. Англия оккупировала Ирак, где сразу началась борьба за национальную независимость, поддержанная местной интеллигенцией, появление которой – тоже результат социальных процессов рубежа веков. В это время выдвигаются требования демократических свобод и женской эмансипации.

Во время Второй мировой войны авторитет Советского Союза в арабских странах возрос, в этот период усилилась освободительная борьба арабских народов, приведшая в итоге к политической независимости. В 1943 г. были установлены дипломатические отношения с Египтом, в 1944 г. – с Ираком, Сирией и Ливаном. Правда, иракская монархия разорвала эти отношения в 1955 г., но в 1958 г.,

после ее свержения, дружеские связи с Советским Союзом были восстановлены.

Интерес к России закономерно вылился в интерес к русской культуре и литературе. По мнению Б.В. Чукова, возможности классической арабской литературы, ее тем, сюжетов, поэтики на новом историческом этапе были исчерпаны [6, с. 253], тогда как русская литература представила новые типы героев, отразила новые отношения в обществе. Так, в личности А.П. Чехова арабского критика особо привлекает его происхождение из крепостных крестьян³. В арабской литературе появилась проза европейского типа, чему способствовали развитие переводческой деятельности и оценка переводных произведений. Переводы помогали глубже понять и новые процессы и явления самой арабской литературы. На рубеже XIX–XX вв. к переводам из европейских (преимущественно английских и французских) писателей добавились переводы произведений русской литературы, выполненные выпускниками школ Палестинского общества. Переводы эти, по нашим наблюдениям, часто имели вольный характер, представляли собой адаптации текстов оригинала для арабского читателя в духе времени.

Тема “творчество Чехова в арабских странах” разработана в российском литературоведении чрезвычайно мало. Небольшой, всего на пяти страницах, обзор содержится в третьем томе собрания сочинений И.Ю. Крачковского – крупнейшего востоковеда, главы отечественной школы арабистики. И.Ю. Крачковский путешествовал по арабскому Востоку в 1908–1910 гг., в период особенного интереса к России, в городах было много русских вывесок, торговцы говорили по-русски и дети приветствовали ученого русским “здравствуйте!” [8, с. 15].

Современные российские востоковеды, к сожалению, почти не уделяли внимания ни влиянию русской классики на арабских писателей, ни типологическим сходствам русской и арабских литератур [9; 10]. В то же время арабские исследователи продолжают обращаться к русской литературе. Так, преподаватель Университета Короля Сауда (Саудовская Аравия) М. Сайдумаров составил обзор “Русская литература в журналах Саудовской Аравии”⁴ [11] по переводам произведений русских писателей, среди которых “Однажды в деревне”, “Смерть чиновника”, “Вишнёвый сад” Чехова. К сожалению, в этом обзоре не нашлось места разбору причин, по которым именно эти произведения были избраны переводчиками.

³ Басим Абд аль-Хамид Хамуди назвал Чехова «сыном крепостного крестьянина» [7, с. 111], однако это дед писателя выкупил из неволи себя и свою семью.

⁴ Все переводы с арабского выполнены А.Я. Аббасом Хилми.

Пробел в научном знании о восприятии творчества Чехова в арабских странах был существенно восполнен изданием Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН “Чехов и мировая литература” в серии “Литературное наследство” (т. 100). Книга третья этого издания [12] содержит материал об отношении к творчеству и личности писателя в арабских странах, в частности в Ираке. Автор обзора “Чехов в арабских странах” [5, с. 228–252] повторяет материал названной статьи И.Ю. Крачковского и перечисляет арабские переводы произведений Чехова. Этот обзор далеко не полон, как мы установили в ходе работы. К числу ценных, хотя и спорных наблюдений мы относим следующие: во-первых, Чехов долгое время воспринимался исключительно как юмористический писатель; во-вторых, переводы могли быть далеки от оригинала, если переводчик считал русские реалии непонятными арабскому читателю, в-третьих, арабская новеллистика испытала серьезное влияние чеховского рассказа. Эти суждения, несмотря на их беглый и обзорный характер, во многом определяют магистральные исследования нашей темы.

Арабская чеховиана, по верному замечанию И.Ю. Крачковского, небогата по количеству переведенных произведений и критических работ [4, с. 315]. В 1905 году имя Чехова появилось в сборнике русских рассказов, переведенных на арабский язык непосредственно с русского Ибрагимом Джабиром. В 1913 году вышла другая книга, в которую вошли рассказы семи русских писателей в арабском переводе Антона Баллана, и Чехов стоит вторым после Толстого. Однако чаще Чехова переводили не с русского, а с других иностранных языков, особенно с английского и французского. В 1920-е годы в связи с интересом к событиям, происходящим в Советском Союзе, деятельность переводчиков активизировалась. В 1923 году в Ираке в газете “Аль-Ирак аль-маса’и” (“Вечерний Ирак”) в трех номерах подряд публиковался рассказ Чехова “Без заглавия”, а в газете “Аль-Ирак” (“Ирак”) – рассказ “Враги”, переводчиком которых был Мурад Михаил. В том же году в иракской газете “Аль-алям аль-араби” (“Арабский мир”) был опубликован рассказ “Тоска” в переводе Бахера Фанка.

В конце тридцатых годов прошлого столетия уже можно отметить влияние Чехова и на других арабских писателей, что свидетельствует о возрастающем интересе к творчеству Чехова как мастера современного рассказа в арабских странах. Появились статьи, посвященные жизни и творчеству Чехова, в арабских журналах все чаще стали публиковаться переводы его рассказов, а в конце сороковых годов в Египте вышла первая книга переводов Чехова с большим предисловием о его жизни и творчестве,

в которую вошли несколько рассказов, повестей и пьес Чехова. Составителем и автором предисловия книги “Чехов” был Наджати Сидки.

В 1933 году в каирском журнале “Аль-Рисаля” (“Миссия”) был опубликован рассказ Чехова “Тссс!..”. Перевёл этот рассказ с французского арабский писатель Махмуд аль-Будади, собственное художественное творчество которого развивалось под сильным чеховским влиянием. Этот очень хороший и точный, по нашему мнению, перевод привлек внимание читателей, поэтому жаль, что аль-Будади не написал хотя бы маленького предисловия и не представил этот рассказ арабскому читателю, который в то время еще не был хорошо знаком с Чеховым. В 1934 году в иракском журнале “Атарад” (“Меркурий”) появился рассказ “Душечка”, который перевёл Хусейн Джамиль. В 1936 году в иракской газете “Аль-Хасид” (“Жнец”) был напечатан рассказ Чехова “Заклад” в переводе Анвара Шауля.

В 1938 году журнал “Аль-Рисаля” на странице литературной почты публикует небольшую, около пятнадцати строчек, заметку (ответ на письмо читателя) о Чехове под заголовком “Где Чехов писал свои рассказы?”. Автор письма рассказывал о доме Чехова в Мелихове, именно там писатель создал огромное количество рассказов, повестей и пьес, обогативших мировую литературу. К сожалению, имя автора этих строк неизвестно, но сам факт публикации свидетельствует о растущем интересе читателей не только к произведениям, но и к личности, к фактам биографии Чехова. Русский писатель начинает обретать для арабов вполне реальный и конкретный облик.

В 1939 году египетский журнал “Аль-Хиляль” (“Месяц”) в рубрике “Новые книги”, где шла речь о книге Махмуда Теймура “Маленький Фир’он и другие рассказы”, вышедшей в этом же году, впервые поднял тему о влиянии русской школы на стиль Махмуда Теймура: “Без сомнения, русская школа влияла на искусство Теймура, и, когда мы читаем его рассказы, нам кажется, что пред нами рассказы Чехова или Куприна” [13, с. 1073].

В сороковые годы появились многочисленные переводы рассказов Чехова в ливанском журнале “Аль-Адиб” (“Литератор”) и в египетском журнале “Аль-Рисаля”. Некоторые из них были удачными, а другие неточно передавали названия рассказов из-за того, что переводчик или переводил их с другого языка, или не уловил смысла чеховских произведений. В разных номерах египетского журнала “Аль-Рисаля” в 1941 году были напечатаны три рассказа Чехова в переводе Абдуль-Лятифа аль-Нашшара. Рассказ “Зиночка” он озаглавил “Первая ненависть”, передав этим парадоксальным назва-

нием и юмор, и лиризм чеховского рассказа. Другой рассказ – “Житейская мелочь” – получил название “То, что не понимает мальчик”. К сожалению, это переименование нельзя признать удачным. Оно сводит смысл рассказа к непониманию ребенком поведения взрослого и не отражает его трагического потрясения от чужой лжи и предательства, тогда как чеховское заглавие своей нарочитой небрежностью только усиливает контраст между внешней незначительностью события и его огромными моральными последствиями. Склонность к переименованию оригинала привела к тому, что перевод следующего произведения Абдуль-Лятиф аль-Нашшар назвал “Молчаливый человек”, и нам еще предстоит выяснить, какой рассказ Чехова скрывается под этим названием.

В 1944 году в египетском журнале “Аль-Хиляль” была опубликована пьеса Чехова “Медведь” в переводе Зеки Тулеймата, художественного руководителя Египетского театрально-музыкального объединения. Зеки Тулеймат перевел заглавие пьесы не буквально, как у Чехова, а дал ей название “Грубиян”. Думается, переводчик столкнулся с трудной задачей, так как в арабском слове “медведь” нет того переносного смысла и тех юмористических оттенков, что в русском.

На предисловие переводчика к пьесе как на новый этап восприятия арабскими читателями и критиками русской литературы указал И.Ю. Крачковский: “Нет, конечно, нужды останавливаться на деталях его взглядов... которые могут иногда разойтись с анализом нашего литературоведения; важно подчеркнуть, как серьезно относятся к творчеству Чехова крупнейшие представители современной арабской литературы, как они не только ищут у него ответа на вопросы художественного мастерства или тонкого анализа внутренних движений души, но даже обращаются за объяснением современности” [4, с. 315]. В предисловии Зеки Тулеймат писал: “Арабский театр до сих пор познакомился только с некоторыми произведениями русской литературы... и египетские труппы да сих пор показали только три русские пьесы: “Воскресенье” и “Анну Каренину” Льва Толстого и “Преступление и наказание” Достоевского⁵. И поэтому я представляю пьесу “Медведь” Антона Чехова, чтобы египетский театр познакомился с третьим великим писателем в области драматургии” [14, с. 42].

Зеки Тулеймат в своем маленьком предисловии предупредил, что оно не может раскрыть особенности пьесы с точки зрения стиля, интересно-

го живого диалога и психологии героев. Он указал только на то, что Чехов смог раскрыть истину, которая есть в каждом человеке: “Это истина любви и ненависти – двух сильных чувств. Они – две противоположные стороны сильного психологического переживания, проходящие через сердце, и сердце невольно колеблется между ними и вдруг любит то, что ненавидело раньше, и ненавидит то, что любило” [14, с. 42]. “Чехов смог обнаружить другое явление – двойственность личности. Психология признала это явление только сейчас, через много лет после смерти Чехова, автора этой пьесы” – добавляет переводчик. И это показывает глубину художественного мышления Чехова и его знание человеческой психологии. Зеки Тулеймат закончил свое предисловие такими словами: “Эта особенность Чехова превращает его произведения в высокую вечную литературу, литературу, которая обращается ко всему человечеству, переступая различия вер, языков и стран” [14, с. 42].

В 1945 году в разных номерах египетского журнала “Аль-Рисаля” были опубликованы восемь рассказов Чехова. Два перевел Мухаммед Кутуб, это рассказы “Учитель” и “На подводе”. Мустафа Джамил Мурси перевел пять рассказов: “Радость”, “Оратор”, “Сапоги”, “Темною ночью”, “Пропавшее дело”. И последний – “На кладбище” – перевел Файсал Абдулла. В 1947 году Махмуд аль-Шнити перевел повесть Чехова “Рассказ неизвестного человека” и издал ее отдельной книгой в Египте. К сожалению, первое и даже второе издание в 1979 году в Бейруте вышли без вступления или введения, которое могло бы познакомить арабского читателя с автором повести и особенностями его стиля. До 1947 года в арабских журналах уже было много написано о Чехове, и переводчик мог бы, опираясь на эти сведения, написать хоть небольшое предисловие о Чехове и его творчестве.

Долгое время Чехов оставался для арабских критиков и читателей только мастером юмористического рассказа. И даже первая пьеса Чехова на арабской сцене – это водевиль “Медведь”. Важную роль в восприятии и оценке творчества русского писателя сыграла книга Наджати Сидки “Чехов” (Египет, 1947 г.). Достоинства этой книги в том, что Сидки перевел Чехова с языка оригинала, представил его не только как новеллиста, но и как драматурга и показал глубину и серьезность творчества русского писателя. Появление этой книги Сидки объяснял тем, что после издания его книги о Пушкине, получившей широкое распространение среди арабских читателей, к нему обратилось много критиков, писателей и читателей из арабских стран через газеты, журналы и личные письма с просьбой выпустить новую книгу на арабском языке, материал которой

⁵ Зеки Тулеймат неверно выразился, назвав «Воскресенье», «Анну Каренину» и «Преступление и наказание» пьесами, – это романы, переработанные для театральных постановок в Египте.

был бы взят из классической русской литературы. И он выбрал А.П. Чехова [15, с. 9].

Другая важная книга о Чехове, сыгравшая свою роль в распространении театра Чехова на Арабском Востоке – работа иракского писателя и переводчика Шакира Хасбака “Антон Чехов”. Она была издана в 1954 году по случаю пятидесятой годовщины со дня смерти великого русского писателя. Журнал “Аль-Таката аль-Джадида” (“Новая культура”) начал выпускать серию книг о мировой литературе, и первой из них была книга о Чехове. “Несмотря на то, что произведения Чехова достигли широкой популярности среди арабских читателей, но мало таких, кто что-то знает о самом писателе. Поэтому мы решили начать публикацию нескольких пьес и рассказов с предисловия, в котором хотим познакомить арабского читателя с истинным значением этого великого писателя-гуманиста... стоявшего всегда на службе человечеству”, – написал Шакир Хасбак [16, с. 5–6].

Эта книга стала важным шагом в области знакомства арабского читателя с Чеховым и с его творчеством, она, по нашему мнению, отличается точностью перевода и красотой стиля, являясь в то же время большим вкладом в чеховиану на арабском языке. А обе эти книги – Наджати Сидки и Шакира Хасбака – явились важным этапом в осмыслении личности великого русского писателя, его прозаических и драматических произведений и значительно повлияли на арабскую культурную и театральную жизнь.

К концу XX века Чехов стал одним из самых популярных русских писателей на Арабском Востоке. Его пьесы и инсценировки рассказов ставятся на профессиональной и любительской сцене. Любовь и уважение арабского читателя к Чехову и русской литературе – это не только память о прошлых дружественных российско-арабских отношениях, но и залог их развития в будущем.

Статья выполнена в рамках проекта “Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России” (№ 01201368164).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларионова М.Ч. 2009. Литература и проблема культурной безопасности Юга России. *Вестник Южного научного центра*. 5 (3): 141–144.
2. Шершевская М.А., Литаврина М.Г. 1997. Чехов в английской критике и литературоведении. В кн.: *Чехов и мировая литература*. Т. 100. Кн. 1. (Литературное наследство). М., “Наука”: 404–453.
3. Дмитриевский А.А. 2008. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. СПб., изд-во Олега Абышко: 445 с.
4. Крачковский И.Ю. 1956. Чехов в арабской литературе. В кн.: *Крачковский И.Ю. Избранные сочинения*. Т. 3. М.; Л., изд-во АН СССР: 312–316.
5. Али-заде Э. 2005. Чехов в арабских странах. В кн.: *Чехов и мировая литература*. Т. 100. Кн. 3. (Литературное наследство). М., Наука: 228–252.
6. Чуков Б.В. 2005. Чехов в Ираке. В кн.: *Чехов и мировая литература*. Т. 100. Кн. 3. (Литературное наследство). М., “Наука”: 253–258.
7. Хамуди Б.А.Х. 1973. Читая Чехова. *Аль-Аклям*. (5): 3–17.
8. Фролова О.Б. 2007. Игнатий Юлианович Крачковский. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. В кн.: *Игнатий Юлианович Крачковский. Библиографический указатель*. СПб.: 14–27.
9. Долинина А.А. 1968. *Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870–1914 гг.* М., “Наука”: 144 с.
10. Кирпиченко Н. 1999. Об “арабских формах” арабского романа и о пище духовной. В кн.: *Россия – Восток – Запад*. М., “Наследие”: 265–278.
11. Сайдумаров М. Русская литература в журналах Саудовской Аравии. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-161744.html> (дата обращения: 05.02.13).
12. *Чехов и мировая литература*. 2005. (Литературное наследство). Т. 100. Кн. 3. М., Наука: 670 с.
13. Теймур М. 1939. Маленький Фир’он и другие рассказы. *Аль-Хильяль*. (Август): 1071–1093.
14. Чехов А.П. 1944. Медведь (в переводе Зеки Тулеймата). *Аль-Хильяль*. (Март): 42–56.
15. Сидки Н. 1947. В кн.: *Чехов*. Каир, “Дар аль-Маариф”: 280 с.
16. Хасбак Ш. 1954. *Антон Чехов*. Багдад, “Аль-Такафа аль-Джадида”: 204 с.

THE WAY OF A.P. CHEKHOV'S CREATIVITY TO THE ARABIC READER: HISTORICAL AND LITERARY REVIEW

M.Ch. Larionova, A.Y. Abbas Hilmy

A.P. Chekhov is one of the most popular Russian writers in the contemporary Arabic world due to the humanistic pathos of his creativity and the artistic achievements in the genre of the short story. The establishment of the Imperial Orthodox Palestine Society in the 19th century, where Russian teachers and Russian-speaking Arabs taught the Palestinian Arabs the Russian Language, contributed to the development of the Russian-Arabic cultural ties. Following social and public transformations of 1917, a significant political and cultural interest in Russia took place. The European colonial policy resulted in the orientation shift of a number of Arabic countries towards Soviet Russia. The interest in Russia resulted in the natural interest in the Russian culture. At the turn of the 19th–20th centuries some works of the Russian literature were published in Arabic countries being translated by school graduates of the Palestine Society. The Russian literature introduced new types of heroes, reflected new relationships in the communities and the society overall. Chekhov's short stories and plays were also translated into Arabic during the following decades. Translators, such as Mahmoud al-Budavi, Jamil Hussain, Anwar Shaul etc., often treated the original text rather freely, changing the titles and artistic details. The vaudeville "The Bear", for example, got the title "The Boor", thus leading to a partial loss of meaning and sense. Gradually, the Arabic critics (Zeki Tuleymat, Najat Sidky, and Shakir Hasbak) began to focus on the writer's creativity being attracted by the accuracy and precision of psychological analysis, the image and description of the ambivalent human nature, specific features of Chekhov's prose and dramatic works.

Key words: Russian Literature, History, Arabic Countries, A.P. Chekhov.